

сгневнымъ участвовать въ этихъ дѣлахъ. Отказывающіеся отъ общей присяги отказываются потому, что общаются въ повинновеніи властямъ, т. е. людямъ, предающимся насиліямъ, противно смыслу христіанскаго ученія; отказываются отъ присяги въ судахъ потому, что клятва прямо запрещена Евангелиемъ. Отказываются отъ должностей полицейскихъ, потому что при этихъ должностяхъ приходится угрожать насиліемъ противъ своихъ братьевъ и мучить ихъ, а христіанинъ не можетъ дѣлать этого. Отказываются отъ участія въ судѣ, потому что считаютъ всякій судъ исполненіемъ закона мести, несомѣстимаго съ христіанскимъ закономъ прощенья и любви. Отказываются отъ всякаго участія въ военныхъ приготовленіяхъ и въ войскѣ, потому, что не хотятъ и не могутъ быть палачами и не хотятъ готовиться къ палачеству.

Всѣ мотивы этихъ отказы таковы, что какъ бы самовластны ни были правительства, они не могутъ открыто наказывать за нихъ. Для того, чтобы наказывать за такіе отказы, надѣ безповоротно самимъ правительствамъ отречься отъ разума и добра. А они увѣряютъ людей, что властвуютъ только во имя разума и добра.

Что дѣлать правительствамъ противъ этихъ людей?

Въ самомъ дѣлѣ, правительства могутъ перебить, переказнить, перезапереть по тюрьмамъ и каторгамъ на вѣчно всѣхъ своихъ враговъ, желающихъ насиліемъ свергнуть ихъ; могутъ засыпать золотомъ половину людей, которые имъ нужны, и подкупить ихъ; могутъ подчинить себѣ милліоны вооруженныхъ людей, готовыхъ погубить всѣхъ враговъ правительства. Но что могутъ они сдѣлать противъ людей, которые, не желая ничего ни разрушать, ни учреждать, желаютъ только для себя, для своей жизни, не дѣлать ничего противнаго христіанскому закону, и потому отказываются отъ исполненія самыхъ общихъ и потому самыхъ необходимыхъ для правительства обязанностей?

Если бы это были революціонеры, проповѣдующіе насиліе, убійство, и совершающіе эти дѣла, то противоудѣствіе имъ было бы легко: часть ихъ подкупили бы, часть обманули, часть залугали бы; тѣхъ же, которыхъ нельзя ни подкупить, ни обмануть, ни залугать, выставили бы злодѣями, врагами общества, казнили-бы или заперли бы, и толпа одобрила бы дѣйствіе правительства. Если бы это были какіе нибудь изувѣры, проповѣдующіе какую нибудь особую вѣру, можно бы было, благодаря тѣмъ суевѣріямъ лжи, которыя примѣшиваются ими къ ихъ ученію, опровергнуть и то истинное, что они исповѣдуютъ. Но что дѣлать съ людьми, которые не проповѣдуютъ ни революціи, ни какихъ либо особенныхъ религіозныхъ догматовъ, а

только потому, что они не желаютъ дѣлать никому зла, отказываются отъ присяги, ушаты податей, участія въ судѣ, отъ военной службы, отъ такихъ обязанностей, на которыхъ зиждется все устройство государства? Что дѣлать съ такими людьми? Подкупить ихъ нельзя: уже самый тотъ рискъ, на который они добровольно идутъ, показываетъ ихъ безкорыстіе. Обмануть тѣмъ, что этого требуетъ Богъ, тоже нельзя, потому что ихъ отказъ основанъ на ясномъ, несомѣнномъ законѣ Бога исповѣдуемомъ и тѣми, которые хотятъ заставить людей дѣйствовать противно ему. Запугать угрозами еще менѣе можно, потому что лишенія и страданія, которымъ они будутъ подвергнуты за ихъ исповѣданіе, только усилятъ ихъ желаніе исповѣданія, и въ ихъ законѣ прямо сказано, что надо повиноваться Богу болѣе, тѣмъ людямъ, и не надо бояться тѣхъ, которые могутъ погубить тѣло, а того, что можетъ погубить и тѣло, и душу. Казнить или навѣчно запереть ихъ тоже нельзя. У людей этихъ есть прошедшее, друзья, образъ мыслей и дѣйствій ихъ извѣстенъ, всѣ ихъ знаютъ за кроткихъ, добрыхъ, смиренныхъ людей и невозможно выставить ихъ злодѣями, которые должны быть устранены для спасенія общества. А казнъ людей, признаваемыхъ всѣми добрыми, вызоветъ защитниковъ, разъяснителей отказа. А стоитъ только разъяснить причины отказа для того, чтобы всѣмъ стало ясно, что тѣ причины, по которымъ эти христіане отказываются отъ исполненія государственныхъ требованій, таковы же для всѣхъ другихъ людей, и что всѣмъ давно уже надо бы дѣлать то-же.

Правительства передъ отказами христіанъ находится въ отчаянномъ положеніи. Они видятъ, что пророчество христіанства сбывается, оно разрываетъ узы скованныхъ и освобождаетъ людей, находящихся въ неволѣ, и видятъ, что это освобожденіе неизбежно должно уничтожить тѣхъ, которые держать другихъ въ неволѣ. Правительства видятъ это, знаютъ, что часы ихъ сочтены и ничего не могутъ сдѣлать. Все, что они могутъ сдѣлать для своего спасенія, это только то, чтобы отсрочить часъ своей гибели. Они и дѣлаютъ это, но положеніе ихъ все таки отчаянное.

Положеніе правительства подобно положенію завоевателя, который желаетъ сохранить городъ, поджигаемый самими жителями. Только что онъ заглушитъ пожаръ въ одномъ мѣстѣ, загорается въ двухъ другихъ; только что онъ уступаегъ огню, ломается то, что загорѣлось, отъ большаго зданія—загорается съ двухъ концовъ и это зданіе. Загоранія эти еще рѣдки, но загораются они огнемъ, который, начавшись съ искры, не остановится до тѣхъ поръ, пока не сожжетъ всего.

И вотъ тутъ то, когда правительства не-